

УДК 334.7.01

Егоров В.Г.*(г. Москва)*ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ КАЧЕСТВА КООПЕРАТИВНОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ (ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ)

Аннотация. В статье предпринят структурный анализ кооперативной формы социально-экономической организации, определены функциональные границы видов и форм кооперации, субъективные и объективные факторы её генезиса и развития, вскрыто содержание противоречий, являющихся, в представлении автора, источником совершенствования кооперативных объединений.

Ключевые слова: кооперация, кооперация общественного труда: артели, пролетарские кооперативы, производственные кооперативы: простые и сложные, субъективные и объективные факторы генезиса, противоречия как источник развития.

V. Egorov*(Moscow)*INSTITUTIONAL QUALITIES OF COOPERATIVE ORGANIZATION
(THEORETICAL ANALYSIS)

Abstract. The article undertakes the structural analysis of the cooperative forms of social and economic organization. Functional boundaries of different types and forms of cooperation are defined. The author also studies both subjective and objective factors of its genesis and development. Besides, the content of contradictions is disclosed. According to the author, these contradictions are the source of cooperative societies' improvement.

Keywords: cooperation, cooperation of social labor: artels, proletarian cooperatives, production cooperatives: simple and complex, subjective and objective factors of the genesis, contradictions as a source of development.

Кооперация, согласно представлениям, сформированным российской школой экономической мысли, есть форма самоорганизации населения для коллективной реализации экономических интересов и совместного получения товаров и услуг, проявляющаяся в определённых видах и формах. Простым видом кооперации индивидуумов является кооперация общественного труда, не генерирующая специфического укладного содержания.

Зародившись на ранних стадиях развития цивилизации как необходимая организация для воспроизводства человеческого вида, кооперация

общественного труда сохраняет своё значение и в наши дни. На протяжении существования простая кооперация труда реализовалась в трёх основных формах: ситуативные объединения индивидов для разового выполнения задачи, решение которой одним субъектом трудовой деятельности не представляется возможным (например, в отечественной крестьянской общине широко применялись так называемые «помочи», организуемые с целью безвозмездного коллективного участия мирян в решении проблемы одного общинника); артели – устойчивые (или сезонные) объединения специалистов одного профиля для организации коллективной трудовой деятельности, имеющей целью максимальный заработок за счёт разделения труда и особых умений и навыков мастеров. Артели широко представлены и в наши дни. По-прежнему сохраняют своё значение артели старателей, лесорубов, промысловиков и т. д.; пролетарские кооперативы – объединения, создаваемые государством на основе выкупаемых и передаваемых в аренду трудовым коллективам активов обанкротившихся предприятий с целью амортизации проблемы безработицы [10]. В период мирового финансового кризиса, правительства многих развитых стран Запада активно пользуются этой организацией для сглаживания остроты социальных проблем. Несколько отличаются по форме, но аутентичны указанным пролетарским кооперативам по содержанию китайские кооперативные предприятия.

В ходе реформы, осуществляемой в Китае с 1992 г., были приняты «Установки по изменению механизма управления предприятиями общенародной собственности».

Согласно правительственным решениям, мелкие государственные предприятия преобразовывались в паевые товарищества кооперативного типа, на основе передачи в распоряжение трудового коллектива государственной собственности на условиях аренды. К концу 1990-х гг. на коллективные предприятия приходилось 30% продукции промышленности [3].

Отсутствие у пролетарских кооперативов последовательно реализуемых качеств кооперативной организации (кооперативной собственности, формируемой за счёт материальных ресурсов пайщиков, необходимых ментальных качеств у работников наёмного труда) препятствует их стабильному функционированию в условиях рыночной экономики.

Кроме того, на коллективных предприятиях больших размеров регистрируется несвойственное кооперации отчуждение пайщиков от управления, что нарушает ещё один важный кооперативный принцип «прямой демократии».

Ограниченные функциональные возможности пролетарских кооперативов в организации экономики отмечены в материалах Международной

организации труда: «Искусственно создаваемые и подконтрольные государству кооперативы, – говорится в аналитическом обзоре МОТ, – зависящие от правительственных субсидий и иностранной помощи, не обладают жизненной силой и гибкостью, необходимыми для их приспособления к новым условиям, и поэтому они, как правило, прекращают своё существование, как только перестают получать помощь со стороны» [6].

Производственная кооперация как форма организации со сложной морфологией, гармонизирующая труд и собственность, создаёт особое «природное» кооперативное качество: высокомотивированный труд участников, заинтересованное отношение к обобществленной собственности, организацию, основанную на прямой демократии.

Производственная кооперация возникает на стадии перехода общества от традиционного к индустриальному состоянию и институционализируется как самостоятельное направление концентрации производства не с помощью объединения наёмного труда, а в результате обобществления трудовых и материальных ресурсов мелких товаропроизводителей. Кооперация, основанная на объединении мелких хозяйств, достигает производительного эффекта не столько за счёт совершенствования организационных или технических оснований, а благодаря органическому соединению труда и собственности.

Производственная кооперация ограничена социально-экономическими рамками, определяемыми доминантой субъективного фактора, а именно индивидуальностью мастера и возможностью участия каждого кооператора в делах предприятия, поэтому с переходом к массовому производству, предполагавшему примат крупной машинной промышленности, функциональное пространство хозяйственных объединений мелких собственников консолидируется вокруг определённых экономических «ниш», идентифицируемых по отраслям, видам производства и величине производственных единиц.

В зависимости от глубины обобществления хозяйств товаропроизводителей, производственные кооперативы могут быть простыми и сложными. В простых товариществах обобществляется одно из направлений производственного цикла: сбыт, снабжение, кредит или пользование, совместно приобретенными техническими средствами, а в сложных – несколько или производственный цикл целиком. Широко популяризуемая в советском общественном сознании закономерность обязательного развития простых товариществ в сложные, кооперативной практикой не подтверждается. В отличие от производственной кооперации, являющейся закономерной экономической формой, другой вид кооперации – потребительские объединения – представляет собой общественную организацию.

Несмотря на очевидность несовпадения в происхождении, качественных отличий в содержании при внешней схожести форм, отечественная кооперативная мысль рассматривает потребительские союзы как явление однопорядковое с производственными кооперативами.

Специфика потребительских союзов, во-первых, основывается на исторически приобретённых, субъективных началах, инициирующих их возникновение, в то время как появление кооперации в целом стало результатом закономерных процессов.

Во-вторых, потребительская кооперация, возникая, приобретает иной, нежели другие формы кооперативных объединений, социальный смысл. Если основу последних составляют средние слои населения, интегрирующие свои материальные и трудовые ресурсы в более совершенную форму хозяйственной организации, то объединения потребителей создаются наименее состоятельной частью населения с целью удешевления получаемого товара или услуги.

Отсутствие обобществляемой в коллективную, выделяемой из частного владения, собственности, за исключением незначительного паевого взноса, в дальнейшем имеющего минимальное значение в распределении дохода, опосредованное участие пайщиков в делах, несут в себе ограниченность институционального качества потребительской кооперации и повышенную возможность мобильности в предпринимательские структуры.

Потребительская кооперация не продуцирует собственной укладной идентичности и функционирует в рамках господствующих в обществе экономических отношений. Именно этим объясняется высокий потенциал её социальной мобильности в сторону воспроизводства буржуазных отношений.

Производственная кооперация как закономерная форма организации экономики не может функционировать вне объективных условий, генерируемых определённым уровнем рыночного хозяйства.

Первое условие, необходимое для роста кооперации, состоит в абсолютизации института собственности. Обобществление (кооперирование) собственности предполагает её полное освобождение от общинных, словных, религиозных и других ограничений.

Другим необходимым основанием генезиса и развития кооперативного уклада является достаточный уровень товарно-денежных отношений. Достаточным можно считать такой уровень развития рынка, при котором продуцируемые им отношения стимулируют рост эффективности товарного хозяйства и их стремление к повышению производительности труда. Кооперации одинаково трансцендентны его состояния: обеспечивающие исключительно личное потребление и предполагающее, по сло-

вам Э. Фромма, превращение в предмет торговли, «не только вещей, но и самой личности, ее физической энергии, навыков, знаний, мнений, чувств и даже её улыбки» [9].

Социальный фундамент кооперации формируется из средних слоёв общества, наличие которого также обуславливает генезис и развитие кооперации.

Основополагающим признаком среднего слоя, что естественно следует из самого процесса его формирования, является наличие собственности, благодаря объединению которой её мелкий держатель получает возможность сохранить свой социальный статус, приобретает потенцию общественной устойчивости. Вместе с тем, величина собственности должна побуждать её держателей к объединению, дающему эффект превосходящий использование собственности индивидуально.

Практика кооперативного строительства показала, что наиболее вероятным объектом объединения являются держатели мелкой собственности, не имеющие социальной и экономической устойчивости, хозяйства которых реализуют возможность к укрупнению не через аккумуляцию индивидуальных средств, а через создание артелей и товариществ.

Тяга к кооперированию падает в крайних группах мелких собственников: наиболее состоятельных, способных собственными ресурсами обеспечить весь производственный цикл и наименее состоятельных, уровень материального положения которых ставит под сомнение товарный характер хозяйств. Благодаря тому, что добровольные коллективные объединения не отрицают, а, напротив, инициируют наиболее полную реализацию индивидуальных интересов мелких собственников, генезис кооперации носит эволюционный характер, интегрированный в хозяйственную систему, основанную на частной собственности. Агрегирование индивидуальной мелкой собственности в коллективную составляет содержание дуализма кооперации: индивидуальных и общественных интересов её членов.

Отсутствие ясного представления о необходимости объективных предпосылок развития кооперации породило ложное представление о возможности её «насаждения» путём пропаганды кооперативных знаний, широкого общественного движения или осуществления государственной политики, направленной на поддержку кооперации. Однако, рождённые благими намерениями сторонников кооперативы оказывались не жизнеспособными.

Представляя кооперацию в качестве результата реализации прогрессивных идей, а кооперативное строительство – составляющим или главным средством борьбы против капиталистической эксплуатации, рассматривая кооперативную теорию как одно из направлений социалистической мысли,

историки, философы, экономисты совершают серьёзную ошибку, значительно обедняя реальный опыт функционирования коллективной формы собственности и его отражение в теории.

Например, М.И. Туган-Барановский писал в своей теоретической работе: «Кооперация была раньше придумана отдельными людьми, как средство преобразования существующего социально-экономического строя, и лишь в непосредственной связи с этим творческим замыслом кооперация стала могучей социальной силой. В противоположность „естественному“ процессу развития капитализма кооперация была создана искусственно» [8].

При этом следует заметить, что субъективные факторы, безусловно, ускоряют рост производственной кооперации в случае наличия необходимого объективного базиса. Кроме того, субъективные факторы являются достаточным условием функционирования потребительских союзов в силу общественной природы их организации.

Важнейшим субъективным фактором развития кооперации является биологический инстинкт человека к групповому существованию, выражаясь терминологией проповедника неолиберализма Хайека, инстинкт «солидарности и сострадания», проявляющийся как ответная реакция индивидуумов на атомизацию общества по мере разрушения традиционных устоев. Об этом очень точно писал Н. Бердяев в книге «Смысл истории»: «В средние века человек жил в корпорациях, в органическом целом, в котором не чувствовал себя изолированным атомом, а был органической частью целого, с которым он чувствовал связанной свою судьбу. Всё это прекращается в последний период новой истории. Новый человек изолируется. Когда он превращается в оторванный атом, его охватывает чувство невыразимого ужаса, и он ищет возможности выхода путём соединения в коллективы, для того, чтобы преодолеть одиночество и покинутость, которые грозят гибелью, духовным и материальным голодом. На этой почве, от этой атомизации и рождается процесс обращения к коллективизму, создания нового начала, в котором человек ищет, исходя из своего одиночества» [1].

Картина условий фундамирующих развитие кооперации была бы неполной без указания на кооперативное общественное движение, цель которого состоит в содействии кооперации со стороны теоретиков, политиков, меценатов, одним словом, энтузиастов кооперативной идеи.

Кооперативная теория и идеология, и само движение за развитие кооперации, возникли в конце XVIII – **первой половине XIX вв. не как антологическое отражение общественно-экономической реальности, а как политизированная рефлексия противников либерализации общества на пауперизацию значительной части населения.**

Деятельность сторонников кооперации и в наши дни играет важную роль в распространении и реализации основ кооперативных знаний среди населения. Помимо конструктивного начала, кооперативное движение несёт в себе опасность политизации кооперации и отклонения её развития в тушиковое направление.

Гуманность нравственных начал, лежащих в основе кооперации, созвучность их с большинством теологических представлений о мироустройстве обуславливает широкое распространение кооперативных объединений в рамках религиозных институтов. Большинство ранних произведений по кооперации основывается на прямой аналогии норм христианской этики и нравственных начал кооперации.

Теоретики кооперации, строившие своё мировоззрение исходя из духовных начал, видели в кооперации средство нравственного совершенствования личности, а её истоки в христианских заповедях всеобщей любви и взаимопомощи. Например, видный итальянский общественный деятель Д. Маццини (1805–1872 гг.) писал: «Мало поможет делу, если вы измените организацию, а сами сохраните теперешние страсти и эгоизм; организации подобны некоторым растениям, которые, смотря по тому, кто с ними обращается, дают либо отраву, либо целебные свойства. Хорошие люди делают хорошими плохие организации, а дурные и хорошую организацию превратят в дурную» [7].

Кооперация была и остаётся объектом политики государства. На разных этапах отечественного исторического процесса целью государственной политики являлось: использование кооперативной организации для амортизации острых социальных проблем (например, вызванных активной капитализацией общественного хозяйства) в качестве «переходной ступени к социализму», средства разгосударствления экономики (1988 г. – закон «О кооперации в СССР»). Попытка использования кооперации в целях реализации политических амбиций, в несвойственном для этой организации качестве не продуктивна.

Материал МОТ **содержит очень важное с точки зрения теории замечание.** «Для того чтобы повернуть вспять негативные тенденции, вызванные чрезмерным государственным вмешательством в дела кооперативов в прошлом, следует признать, что кооперативная форма представляет собой неотъемлемую часть общего социально-экономического и политического развития» [6].

Кооперация, как и любое другое общественное явление, гетерогенно и противоречиво по своему содержанию и вследствие этого обладает диалектической мобильностью и потенциальностью к самосовершенствованию.

По мнению датского исследователя кооперативного движения А. Вес-тенхольца, «на смену одномерным противоречиям капиталистического

предприятия – между нанимателем и персоналом приходит многомерная система противоречий» [11].

Одним из фундаментальных составляющих основу институциональных черт кооперативных предприятий, является противоречие, порождаемое дифференциацией труда и собственности. Содержание указанного противоречия трансформируется в кооперативной практике в ряд частных вопросов: допустима ли в кооперативах наёмная рабочая сила, если да, то до каких пределов; необходимо ли непосредственное участие кооператора в делах организации. Решение этих вопросов имеет значение, как в практической, так и в теоретической плоскости.

Труд члена кооператива, имеющего не только мотивацию интересов работника, получающего зарплату, но и интересов хозяина собственности, стремящегося приумножить её, приобретает особую эффективность, определяющую характер данного хозяйственного субъекта. Осознание работающими своего права на собственность и конечный результат хозяйственной деятельности обуславливает высокую мотивацию труда и как результат – высокий уровень его эффективности. Выработка на кооперативных предприятиях при прочих равных условиях превосходит аналогичные показатели в государственном секторе в 2–2,5 раза, а производительность в 3–4 раза выше общественной производительности труда [2].

Специфически достигается гармонизация двух диалектически противоположных начал: хозяин–рабочий в потребительской кооперации, где одновременный труд всех объединяемых обществом членов невозможен.

Следуя рочдейлским традициям, доход в объединениях потребителей распределяется не по величине паевого взноса (эта часть причитающегося дохода равна для всех), а по объёму торговых операций [5].

Генетическое противоречие между трудом и собственностью является мощным стимулом развития кооперативного хозяйства. Тенденция к интеграции собственнических и трудовых начал в максимально полной и последовательной форме воплотилась в наиболее жизнеспособных и эффективно функционирующих кооперативах. Так, например, испанское кооперативное объединение «Мондрагон», насчитывающее в своих рядах 18 тысяч человек, имеет лицевые счета всех работающих, на которые зачисляется часть дохода, подлежащая выплате при увольнении или уходе на пенсию. Кооперативы США используют для этих же целей систему акций, пакет которых увеличивается в зависимости от трудового вклада или выслуги лет. Сама практика кооперативного строительства выявила наиболее оптимальный способ соединения труда и собственности, при котором все работающие в кооперативе независимо от времени вступления становятся собственниками соответствующей доли кооперативного капитала, аккумуля-

лируемого либо на лицевых счетах, либо в номинале акций, владельцами которых они являются.

Сохранение в кооперации качеств, определяющих её жизнеспособность, потребовало преодоления пролетарских принципов в отношении индивидуальной собственности членов товариществ, реализуемой в паевом капитале.

Поиск пути гармонизации интересов труда и собственности обусловил отход от соблюдения принципа ограничения процента выплат по паям среднебанковской ставкой. На XXX конгрессе МКА в Токио в октябре 1992 г. было достигнуто согласие о введении гибкого «плавающего» процента на паевой капитал.

Относительно наёмного труда в кооперации следует заметить, что сам по себе он не исключает кооперативный характер предприятия. Однако использование такового находится за пределами институционального содержания кооперации и в случае широкого применения набирает потенциал принципиально иного социально-экономического содержания. При этом грань допустимости наёмного труда в кооперации подвижна и весьма условна, поэтому поиск оптимальной величины использования труда рабочих – не собственников вряд ли может дать конструктивный результат.

Следуя логике выявления противоречий, составляющих системообразующее начало кооперации, необходимо отметить диалектическую противоположность индивидуальных и общественных интересов, как фактора также отражающего внутреннее качество этой реалии. Как нельзя лучше содержание этого единства противоположностей передают строки, написанные в 1906 г. Марно Мариани: «По нашему мнению, – писал он, – целью является непосредственное благо, индивидуально введенное кооперативами, как мотив для вступления и участия в ассоциации, т. е. благо, составляющее непосредственный эквивалент тех жертв, которые связаны со вступлением в общество» [7].

Конкретных проявлений указанного противоречия множество. Приведём лишь некоторые, на наш взгляд, важнейшие. Объединяясь в кооперативные предприятия, мелкие собственники имеют различные материальные возможности. При этом логично, что у каждого субъекта кооперирования возникает желание влиять на дела организации пропорционально вложенному паю. Однако, если внутри кооперативного товарищества устанавливается порядок, предусматривающий «рост прав владельцев с их долей в капитале», такая экономическая модель по своей сущности становится капиталистической – «капитализм в пределах предприятия». Общественные интересы, воплощенные в принципах кооперативной демократии, включают в себя правило «ограничения максимального количества единиц

паевого капитала с тем, чтобы препятствовать возможности концентрации экономических интересов и власти в одних руках», этой же цели служит запрет передачи и продажи паев.

Целый комплекс противоречий, составляющих содержание главного из них между коллективом и личностью, возникает в связи с отличиями в индивидуальных способностях кооператоров. Датский исследователь А. Вестенхольц отмечает, что внутри формально равного коллектива работников рыночная стихия порождает неравенство. Члены коллективных объединений, обладающие особыми способностями или умениями, могут продать свою рабочую силу значительно дороже и добиться более интересного занятия на рынке, нежели это может предложить кооперативное общество (даже при отсутствии явно эгалитарных принципов). Таким образом, для лучших работников кооперативов постоянно возникают стимулы покинуть объединение.

Однако по мере интеллектуализации кооперативного труда и внедрения в практику кооперации механизмов аутсорсинга острота указанного противоречия падает.

Практиками и аналитиками кооперации выявлена корреляция существенного содержания товариществ с масштабами производства.

Соподчиненность этих двух характеристик находится в обратно пропорциональной зависимости и является стержнем ещё одного фундаментального противоречия. Кооперативное предприятие утрачивает специфически присущие только ему органические черты по мере роста производства и расширения масштабов организации. «Возникновение и успешное функционирование любого кооперативного объединения, – пишет В.А. Марьяновский, – объективно ограничены определённой численностью людей, наиболее рациональной для данной формы собственности, за пределами которой кооперативная форма хозяйствования перестает быть эффективной (и тогда становится вопрос о необходимости её дальнейшего функционирования) ...» [4].

Австралийский исследователь П. Вильямс, опубликовавший руководство для желающих создать кооператив, поделился интересными наблюдениями, «что по мере роста численности кооператива, взаимоотношения его членов становятся всё более сложными и разнообразными. Возникают один или несколько центров активности, окруженные периферией. Формируются альянсы, возникает соперничество, одни демонстрируют негибкость, другие – незаинтересованность, пассивность. Для решения возникающих проблем требуются всё более сложные формальные процедуры. При этом контроль над деятельностью кооператива централизуется, специалисты получают возможность принимать решения практически независимо

от рядовых участников. Кооперативные ценности, первоначально сплотившие коллектив, становятся всё менее значительными, и предприятие по типу управления оказывается ближе к обычной фирме, чем к собственно кооперативу» [2, с. 51].

Критическая размерная грань, за которой наступают разрушительные, необратимые процессы для кооперации, конечно, очень условна и неуловима. Однако Вильямс предлагает считать таковой численность кооператива, при которой уже не все его члены могут знать друг друга лично.

Указанное противоречие также не является препятствием развития кооперации, так как разрешается через создание «кооперации самой кооперации», кооперативных объединений, организованных по принципу отраслевого разделения труда.

Кооперация в силу своих природных институциональных качеств органично заполняет присущее ей функциональное пространство не только в социально-экономической структуре «переходных» обществ, но и обществ с развитой экономической и социальной сферами. Кооперативная организация, обладая уникальными свойствами, связанными с высоким уровнем мотивации труда, гибкостью и адаптивностью к изменениям конъюнктуры, обеспечивает решение многих социальных и экономических проблем значительно более эффективно, чем иные субъекты рыночных отношений.

Литература:

1. Бердяев Н. Смысл истории. – М.: Мысль, 1990. – 175 с.
2. Кооперативы в индустриально развитых странах. Сборник обзоров. – М., 1992. – 335 с.
3. Ли Ли, Кондрашева Л. Демократизация прав собственности: китайский вариант // Проблемы теории и практики управления. – № 2. – 2003. – С. 24–29.
4. Марьяновский В.А. Кооперативная собственность при социализме // Вопросы экономики. – 1988. – № 5. – 96 с.
5. Пронин С.В. «Демократический социализм» и проблема кооперативной социализации в Англии. – М.: Наука, 1964. – 204 с.
6. Содействие развитию кооперативов. МОТ (Международная организация труда). – Женева: МБТ, 2000. – 36 с.
7. Томмианц В.Ф. Основы кооперации. – Берлин, 1923. – 166 с.
8. Туган-Барановский М.И. Социальные основы кооперации. – М., 1916. – 521 с.
9. Фромм Э. Душа человека. М., 1992. – 414 с.
10. Cunn Ch. E. *Workers' self-management in the U.S.* Ithaca, 1986. – 417 с.
11. Westenholtz A. Alternative possibilities in the sphere of production // Acta social. Oslo, 1982. – С. 25–31.